

На правах рукописи

Ананьев Денис Анатольевич

**История Сибири  
конца XVI – первой половины XIX в.  
в англо- и германоязычной  
историографии (XX в.)**

Специальность 07.00.09 – Историография,  
источниковедение и методы исторического исследования

Автореферат  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук

Новосибирск – 2007

Работа выполнена в секторе истории  
второй половины XIX – начала XX века  
Института истории Сибирского отделения РАН

Научный руководитель: доктор исторических наук  
Андрей Сергеевич Зуев.

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор  
Константин Борисович Умбрашко;  
кандидат исторических наук, доцент  
Константин Геннадьевич Переладов.

Ведущая организация: Барнаулский государственный  
педагогический университет.

Защита состоится 14 мая 2007 г. в 11.00 на заседании  
Диссертационного совета Д 003.030.01 по защите диссертаций на  
соискание ученой степени доктора наук в Институте истории  
СО РАН по адресу: 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института  
истории СО РАН.

Автореферат разослан 13 апреля 2007 г.

Учёный секретарь  
Диссертационного совета  
доктор исторических наук

И. М. Савицкий

## Общая характеристика работы

**Актуальность темы исследования.** История колонизации Сибири привлекала внимание зарубежных исследователей на протяжении нескольких столетий – начиная с XVII в., когда русские присоединили большую часть территорий от Урала до Тихого океана. Для западных сибиреведов всегда было очевидно огромное историческое значение освоения русскими Северной Азии и Тихоокеанского региона. Исследователи отмечали колоссальный экономический потенциал Сибири, во многом способствовавший превращению России в сверхдержаву. В связи с этим важной задачей представлялось объяснение причин и характера освоения Сибири и прочности российского присутствия в регионе.

Наиболее активно вопросы сибирской истории изучались в XX в., когда возникли специализированные исследовательские центры, резко возросло количество публикаций по истории русской колонизации Сибири и Дальнего Востока, были предложены новые подходы к изучению данной темы, накоплен значительный историографический опыт – в первую очередь, исторической наукой развитых капиталистических стран: США, Канады, Великобритании, Германии. Перечень англо- и германоязычных специалистов по истории Сибири насчитывает не один десяток имен – среди них такие известные как Ф.Голдер, Р.Кернер, Р.Фишер, Дж.Ланцев, Б.Дмитришин, Ю.Слезкин (США), А.Вуд, Т.Армстронг (Великобритания), Дж.Гибсон, Дж.Блэк, Р.Пирс (Канада), И.Франк, Ю.Семенов, К.Герке, Г.Робель (Германия) и др.

На протяжении многих десятилетий западная и советская историография Сибири развивались самостоятельно и даже изолированно друг от друга – зарубежные исследователи почти не имели доступа к советским архивам, а отечественные историки редко имели возможность работать на Западе. После начала перестройки в СССР резко увеличилось число переводов и публикаций работ зарубежных историков, посвященных общероссийской проблематике, однако работы западных сибиреведов практически не издавались.

Показательно, что западными исследователями велся самостоятельный поиск решения научных проблем, связанных с сибирской историей. Перед отечественными учеными стоит задача освоения достижений исторической науки других стран, изучения концепций и идей, а также новых источников, введенных в оборот западными исследователями. Актуальность восполнения существующего пробела в отечественной исторической науке несомненна.

**Степень изученности темы.** История развития западного сибиреведения в конце XIX–XX вв. была слабо изучена как отечественными, так и зарубежными историографами. Они сосредотачивали свое внимание на отдельных работах западных исследователей, не давая полной картины развития историографии. При этом оценка достижений западного сибиреведения в отечественной историографии менялась в зависимости от воздействия политических и идеологических факторов. Специальные исследования, посвященные зарубежной (в первую очередь, американской) историографии Сибири, появились у нас только в середине XX в., что было обусловлено изменением геополитической роли СССР и США в ходе Второй мировой войны<sup>1</sup>. Соответственно, перед учеными встала актуальная задача изучения истории двух сверхдержав, в том числе, истории формирования и освоения их обширных территорий.

В статьях В.К.Яцунского и В.В.Покшишевского, опубликованных в первой половине 1940-х гг., давалась высокая оценка деятельности американских историков – представителей Калифорнийской школы Р.Кернера, Р.Фишера и Дж.Ланцева, отмечался их значительный вклад в развитие западной исторической науки<sup>2</sup>. Вместе с тем, В.К.Яцунский и В.В.Покшишевский обвинили основателя Калифорнийской школы, Р.Кернера, в географическом детерминизме.

В 1950–1960-х гг., по мере усиления противостояния между СССР и Западом, в работах советских историков (В.И.Шункова, А.А.Преображенского, Л.В.Даниловой)<sup>3</sup>, писавших о зарубежных исследователях-сибироведах, стали преобладать негативные оценки. Несмотря на характерную для советских историков обстоятельность в критике буквально каждого тезиса западных авторов, их историографические исследования были фрагментарны. Обычно они посвящались разбору небольшого числа историографических источников, на основании чего как автору, так и читателю трудно было составить полное представление о состоянии того или иного направления в западной ис-

<sup>1</sup> См., напр.: *Яцунский В.К.* Развитие исторической науки в США // Ист. журнал. 1944. № 12.

<sup>2</sup> *Яцунский В.К.* Изучение истории в Калифорнийском университете в США // Вопросы истории. 1945, № 5–6; *Покшишевский В.В.* Рец. на кн.: Р.Дж.Кенер. Стремление к морю // Изв. ВГО. 1947. Т. 79. Вып. 2. С. 232–236.

<sup>3</sup> *Шунков В.И.* Разработка вопросов истории Сибири за рубежом // Вопр. истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961; *Данилова Л.В.* Русское централизованное государство в освещении буржуазных историков США // Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М., 1962; *Преображенский А.А.* Сибирь в кривом зеркале господина Э.Хельцле // Там же.

ториографии, тем более об уровне изучения сибирской проблематики. Традиция такого подхода к анализу зарубежной историографии сохранилась и в последующие десятилетия – в статьях и рецензиях Н.И.Горловой, М.И.Чемерисской, Л.В.Соколовой, Н.Н.Болховитинова и др.<sup>4</sup> В трудах советских исследователей, посвященных истории исторической науки стран Европы и Северной Америки, также не уделялось специального внимания зарубежной историографии Сибири<sup>5</sup>.

Первые исследования обобщающего характера, посвященные западному сибиреведению и его отдельным направлениям, появились только в 1990-х гг. (работы В.Н.Чернавской, Е.В.Алексеевой, Т.В.Воробьевой, Ю.В.Корчагина)<sup>6</sup>, на волне роста интереса отечественных историков к зарубежной историографии, а также в условиях изменений в междуна-

---

<sup>4</sup> Соколова Л.В. Г.В.Ланцев, Р.А.Пирс. Исследование и освоение земель на русской открытой границе до 1750 г. Монреаль, Лондон, 1973 // Рефер. ж-л: обществ. науки за рубежом. Сер. 5. М., 1976, № 1. С. 72–77; Чемерисская М.И. Дж.Р.Гибсон. Взаимоотношения между русскими и коренными жителями в Русской Америке. Вашингтон, 1980 // Рефер. ж-л: обществ. науки за рубежом. Сер. 5. М., 1981, № 2. С. 56–57; Болховитинов Н.Н. Зарубежные исследования о С.Дежневе и В.Беринге // Изв. АН СССР. Сер. географии. 1983. № 4. С. 96–104; Горлова Н.И. Жуай Е.Ф. Транзитный путь из Москвы в Даурию: проблемы транспорта и передвижения в Сибири в XVII в. – Кельн, 1981 // Реферат. ж-л: обществ. науки за рубежом. Сер. 5. М., 1983, № 2. С. 35–37

<sup>5</sup> См. напр.: Салов В.И. Антинаучный характер западногерманского «остфоршунга» // Критика западногерманского «остфоршунга». М., 1966; *Она же*. Современная западно-германская буржуазная историография. М., 1968; Согрин В.В. Критические направления немарксистской историографии США XX в. М., 1987; Кунина А.Е. США: методологические проблемы историографии. М., 1988.

<sup>6</sup> См.напр.: Алексеева Е.В. Русская Америка: новые концепции в англоязычной историографии // Изв. СО РАН. История, филология и философия. 1993 г. Вып. 1. С. 59–63; *Она же*. Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург, 1998; Воробьева Т.В. Теория «передовой подвижной границы» (“frontier”) и народы Камчатки и Аляски // Вестн. Камчатской региональной ассоциации «Учебно-научный центр» (КРАУНЦ). Гуманитарные науки. 2004. № 2; Корчагин Ю.В. Политика российского самодержавия и традиционные общества народов севера в зарубежной историографии // Докл. межвуз. науч.-теор. конф. Ч. 2. Петропавловск-Камчатский, 1995. С. 3–25; Чернавская В. Н. Великие русские географические открытия на Северо-востоке Азии в XVI–XVIII вв. в освещении англо-американской историографии // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Ист.-археол. иссл. Владивосток, 1994; *Она же*. Сибирь и Дальний Восток в англоязычной историографии. К методологии вопроса // Краевед. бюл. № 4. Проблемы истории Сахалина, Курил и сопредельных территорий. Южно-Сахалинск, 1995. С. 3–21.

родной обстановке. Предметом анализа в этих работах стала преимущественно деятельность крупнейших американских историков-сибиреведов Ф. Голдера и Р. Кернера, с именами которых были связаны основные историографические направления, определившие развитие западного сибиреведения в XX в. Наиболее обстоятельно отечественные авторы рассмотрели труды представителей и последователей Калифорнийской школы, развивавших подход Р.Кернера – Дж.Ланцева, Р.Фишера, Р.Пирса, Дж.Гибсона, Б.Дмитришина. Работам английских и особенно немецких историков уделялось значительно меньшее внимание.

Для публикаций отечественных историографов традиционным стал вывод (во многом, безусловно, справедливый) об узости источниковой базы зарубежных исследований и идеологической тенденциозности их авторов. Но такой во многом уравнительный подход к оценке достижений западного сибиреведения ведет к упрощенному пониманию очень сложного процесса развития историографии и зачастую не соответствует действительному положению дел в западной исторической науке.

Среди крайне немногочисленных работ, написанных западными исследователями и посвященных англо- и германоязычной историографии Сибири, наибольшего внимания заслуживают статьи Б.Дмитришина и С.Хэйкокса, содержащие обзор основных трудов западных сибиреведов, оценки их концепций, рассмотрение основных этапов в развитии англоязычной историографии, изменений в проблематике исследований, характеристику круга использованных источников. При всех достоинствах работ Б.Дмитришина и С.Хэйкокса, они позволяют получить лишь самое общее представление об изучении сибирской истории за рубежом. К тому же, обзор С.Хэйкокса ограничивается историографией освоения русскими севера Тихоокеанского региона и Русской Америки<sup>7</sup>.

Таким образом, отечественные и западные авторы историографических работ преимущественное внимание уделяли анализу историографии отдельных проблем. Как справедливо отметил В.В.Согрин, нетрудно доказать ограниченность такого подхода, поскольку одни и те же историки и школы придерживались подчас противоположных взглядов в

---

<sup>7</sup> *Dmytryshyn B. Russian Expansion to the Pacific, 1580–1700: A Historiographical Review // Siberica. A Journal of the North Pacific Studies Center. Portland, 1990. Vol. 1. № 1; Haycox S. Russian America: Studies in the English language // Pacific Historical Review. Berkeley, 1990. Vol.59. № 2. P. 231–252.*

отношении разных периодов и проблем<sup>8</sup>. Соответственно, необходим всесторонний анализ англо- и германоязычной историографии Сибири.

**Цель и задачи исследования.** Целью исследования является изучение и анализ организационного и концептуального развития англо- и германоязычной историографии Сибири в XX в., выявление его закономерностей и этапов.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач:

1. Выяснение объективных условий развития западного сибиреведения; определение основных центров изучения истории Сибири; анализ источниковой базы исследований;

2. Выявление основных направлений развития западного сибиреведения, теоретических и методологических подходов, проблематики исследований;

3. Анализ конкретных работ по истории Сибири, объяснение причин возникновения и смены основных концепций сибирской колонизации;

4. Оценка перспектив развития англо- и германоязычной историографии Сибири и Дальнего Востока.

**Объектом** исследования является историографическое направление, развивавшееся в XX в. в исторической науке англо- и германоязычных стран и связанное с изучением истории Сибири. Выбор в качестве объекта исследования англо- и германоязычной историографии объясняется безусловным лидерством историков США, Великобритании и Германии в изучении сибирской истории. Об этом свидетельствует не только количество написанных ими монографий и статей, но и очевидные концептуальные достижения в разработке сибирской исторической проблематики. Важно отметить и высокую степень взаимопроникновения и взаимовлияния англо- и германоязычной историографии, что позволяет говорить об общности тенденций их развития.

**Предмет** исследования – организационное развитие западного сибиреведения, а также концепции сибирской истории конца XVI – середины XIX в., предложенные англо- и германоязычными исследователями. В работах западных сибиреведов период с конца XVI до середины XIX в. традиционно рассматривался как важный и самостоятельный этап, соответствовавший времени присоединения и начального освоения сибирских и дальневосточных территорий. В этот период была заложена прочная основа русского присутствия в регионе, что позволило России

---

<sup>8</sup> *Согрин В.В.* Критические направления немарксистской историографии США XX в. С. 3.

сохранить свои территориальные приобретения, в то время как другие колониальные империи их утратили. Таким образом, нижняя граница исследования – XVI в., когда началось масштабное проникновение русских за Урал; верхняя граница – середина XIX в., что в западной историографии также рассматривается как рубеж, отмеченный приобретением Приамурья и знаменующий окончание периода территориального расширения Российской империи в Северной Азии.

**Хронологические и территориальные рамки.** В хронологическом отношении исследование охватывает XX в., который стал особым этапом в развитии западного сибиреведения, когда на смену описательной литературе пришли профессиональные научные исследования, были созданы специализированные научные центры, значительно расширен круг источников по истории сибирской колонизации, выработаны новые теоретико-методологические подходы.

Учитывая ведущую роль историков из англо- и германоязычных стран, основное внимание уделяется историческому сибиреведению Великобритании, США, Канады и Германии (в 1949–1990 гг. – ФРГ), что определяет **территориальные рамки** историографического исследования. При этом мы не стали включать в германоязычную историографию Сибири труды историков ГДР, полностью опиравшихся на достижения советского исторического сибиреведения и воспроизводивших выводы советских исследователей<sup>9</sup>.

В англо- и германоязычном сибиреведении преобладало представление о единстве процесса освоения русскими Сибири, Дальнего Востока и севера Тихоокеанского региона, общности цели и методов России в Северной Азии и Северной Америке. Во многом это соответствовало представлению о Сибири, существовавшему в XVII–XIX вв., как всей территории от Урала до Тихого океана. Таким образом, в территориальном отношении работы западных исследователей охватывают всю Сибирь, Дальний Восток и северную часть Тихоокеанского региона, где находились колониальные владения России.

#### **Методология исследования.**

Методологический подход, использованный в настоящем исследовании, основан на представлении о трех уровнях анализа – общенаучном, общеисторическом и специально-историческом. На общенаучном уров-

---

<sup>9</sup> Об этом свидетельствует наиболее значительный труд по истории Сибири, написанный историком из ГДР Л. Томас. См.: *Thomas L. Geschichte Sibiriens von den Anfängen bis zur Gegenwart*. Berlin, 1982. S. VII.



не применялись методы анализа и синтеза, исторический и логический методы

На общеисторическом уровне основополагающим является принцип историзма, требующий смотреть на каждое явление с точки зрения его развития, объяснения причин его зарождения, определения основных стадий и характера его становления<sup>10</sup>. В полной мере понятие исторического развития может быть применимо и к историографическому исследованию, рассматривающему историю исторической науки, в том числе, историю отдельных направлений и школ, а также изучающему развитие научных концепций, возникающих в результате деятельности историков.

Объединяя принцип историзма с принципами герменевтики (учения о принципах интерпретации текстов) в изучении историографии, присоединимся к выводу М.А.Барга: «Историю исторической науки можно изучать двояким образом. Во-первых, с внешней стороны, т.е. как эмпирически зримую цепь сменявших друг друга с течением времени историографических школ и направлений. Во-вторых, ту же историю можно изучать с ее «невидимой», внутренней стороны, т.е. как процесс, обусловленный системными связями историографии с данным типом культуры...»<sup>11</sup>.

В историографическом исследовании также необходимо различать теоретический и собственно методологический уровни, которые объединяют общие методы – то есть способы, приемы обработки историографического материала и основные элементы методологической теории<sup>12</sup>. Таким образом, на специально-историческом уровне осуществляется анализ конкретных историографических источников, и применяются сравнительно-исторический, историко-генетический, проблемно-хронологический, ретроспективный методы, а также метод периодизации.

**Источниковую базу исследования** составили историографические источники – т.е. те исторические источники, которые, «определяются предметом историографии и несут информацию о процессах, протекающих в исторической науке и условиях ее функционирования»<sup>13</sup>. В круг историографических источников, анализируемых в данной работе,

---

<sup>10</sup> Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 528.

<sup>11</sup> Барг М.А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987. С. 6.

<sup>12</sup> Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М., 1987. С. 96.

<sup>13</sup> Там же. С. 118.

входят как научные труды профессиональных историков, справочные и энциклопедические издания, так и литература научно-популярного, публицистического характера, рассчитанная на массового читателя и отражающая наиболее распространенные в западной историографии концепции.

К числу научных работ относятся монографии, статьи и рецензии, написанные профессиональными историками и отмеченные основательностью разработки исторической проблематики, глубоким знанием и использованием достижений историографии, применением научных методов исследования. Данный тип историографических источников характеризуется научным стилем изложения исторического материала, использованием научной терминологии.

Среди фундаментальных исторических исследований можно выделить труды Ф.Голдера, монографии и статьи Р.Фишера<sup>14</sup>, Дж.Гибсона<sup>15</sup>, Дж.Ланцева<sup>16</sup>. Большое значение для дальнейшего развития западного сибиреведения имели библиографические исследования Р.Кернера<sup>17</sup>; монографии Ю.Слезкина<sup>18</sup>, М.Раева<sup>19</sup>, Т.Армстронга<sup>20</sup>.

---

<sup>14</sup> *Golder F.* Russian Expansion on the Pacific, 1641–1850: An Account of the Earliest and Later Expeditions Made by the Russians Along the Pacific Coast of Asia and North America, Including Some Related Expeditions to the Arctic Regions. Cleveland, 1914; *Idem.* A Guide to Materials for American History in Russian Archives. Washington, 1917; *Idem.* Bering's Voyages: An Account of the Efforts of the Russians to Determine the Relations of Asia and Asia. New York, 1922–1925. 2 Vols.; *Fisher R.* The Russian Fur Trade, 1550–1700. Berkeley, 1943; *idem.* Semen Dezhnev and Professor Golder // *Pacific Historical Review*. Vol. XXV, 1956; *Idem.* Bering's Voyages: Whither and Why? Seattle, 1977; *Idem.* The Voyage of Semen Dezhnev in 1648: Bering's Precursor, with Selected Documents. London, 1981.

<sup>15</sup> *Gibson J. R.* Feeding the Russian Fur Trade: Provisionment of the Okhotsk Seaboard and the Kamchatka Peninsula, 1639–1856. Madison, Wisconsin, 1969; *Idem.* Imperial Russia in Frontier America. The Changing Geography of Supply of Russian America, 1784–1867. New York, 1976.

<sup>16</sup> *Lantzeff G.V.* Siberia in the 17<sup>th</sup> Century. A Study of the Colonial Administration. Berkeley, Los Angeles, 1943.

<sup>17</sup> *Kerner R.* Russian Expansion to America: Its Bibliographical Foundations. New York, 1931; *Idem.* Northeast Asia: A Selected Bibliography; Contributions to the Bibliography of the Relations of China, Russia and Japan, With Special Reference to Korea, Manchuria, Mongolia, and Eastern Siberia, in Oriental and European Languages. Berkeley, 1939. 2 Vols.; *Idem.* The Urge to the Sea: The Course of Russian History. The Role of Rivers, Portages, Ostrogs, Monasteries and Furs. Berkeley, Los Angeles, 1946.

<sup>18</sup> *Slezkine Y.* Russia and Small Peoples of the North: Arctic Mirrors. Ithaca, London, 1994.

Особое внимание в рамках настоящего исследования уделяется специальным историографическим работам зарубежных историков сибирской колонизации (А.Знаменского, Р.Фишера), а также историографическим разделам их монографий (Р.Кернера; Дж.Ланцева, Р.Пирса, Дж.Харрисона)<sup>21</sup>. Данный вид источников позволяет увидеть историю становления англо- и германоязычной историографии Сибири в XX в. глазами самих зарубежных историков, учесть их мнение в оценке достижений и перспектив развития данного историографического направления.

Для научно-популярных работ характерно воспроизведение устоявшихся в историографии выводов и концепций. Перед их авторами не стояла задача решения конкретных исторических проблем, но лишь обобщение историографического материала без его фундаментальной проверки. В числе историографических источников данного вида – обобщающий труд Ю.Семенова по истории Сибири, монографии Дж.Мирски, К.Греппера<sup>22</sup> и др. Изучение работ публицистического характера позволяет лучше понять степень влияния общественно-политической ситуации на работу исследователей, усвоения историками идеологических формул и штампов, часто негативно сказывающихся на развитии исторической науки. К публицистике можно отнести работы Э.Хельцле, М.Хиндуса, сборники статей под редакцией Т.Хунсцака и М.Рывкина; отчасти характер публицистических сочинений носят монографии и статьи А.Краузе, К.фон Цепелина по истории Дальнего Востока<sup>23</sup>.

---

<sup>19</sup> *Raeff M.* Siberia and the Reforms of 1822. Seattle, 1956.

<sup>20</sup> *Armstrong T.* Russian Settlement in the North. Cambridge, 1965.

<sup>21</sup> *Haycox S.* Russian America: Studies in the English language // Pacific Historical Review. Berkeley, 1990. Vol. 59. № 2; *Fisher R.* Rec. ad op.: The History of Siberia: From Russian Conquest to Revolution. Ed. by A. Wood. London, 1991 // Russian History - Histoire Russe. 1991. Vol. 18. Pt.3; *Znamenski A.* Siberian History in Russian and Native Dimensions // Russian Review, New York, 1995. Vol. 54. № 2; *Lantzeff G.V., Pierce R.A.* Eastward to Empire. Exploration and conquest on the Russian open frontier, to 1750. Montreal, London, 1973; *Harrison J.* The Founding of the Russian Empire in Asia and America. Coral Gables, Florida, 1971.

<sup>22</sup> *Krausse A.* The Far East. Its History and Its Question. London, 1899; *Idem.* Russia in Asia. A Record and a Study. 1558–1899. London, 1900; *Mirsky J.* To the Arctic! New York, 1948; *Semjonow Y.* Sibirien. Die Eroberung und Erschliessung der wirtschaftlichen Schatzkammer des Osten. Olten, Stuttgart, Salzburg, 1954; *Gröpper C.* Die Geschichte der Kossaken. Der Wilde Osten (1500–1700). München, 1976.

<sup>23</sup> *Hindus M.* The Cossacks. The Story of a Warrior People. New York, 1945; Hölz-

В сжатом виде общая характеристика сибирской истории дается в зарубежных энциклопедиях и справочных изданиях, из которых на Западе наиболее авторитетными считаются «Британика», «Американа», «Брокгауз»<sup>24</sup>. Значение данного типа историографических источников велико, поскольку их изучение позволяет судить о степени распространения тех или иных концепций сибирской колонизации на Западе.

Развитие сетевых информационных технологий открыло перед историками новые возможности, связанные с оперативным доступом и использованием электронных материалов зарубежных архивов, вузов и научных учреждений. Для историков-сибиреведов наибольший интерес представляют веб-сайты специализированных научных центров, ориентированных на изучение истории Сибири. Таковы сайты Школы славянских и восточно-европейских исследований ([www.ssees.ac.uk](http://www.ssees.ac.uk)), Центра советских и восточно-европейских исследований Карлтонского университета в Оттаве ([www.carleton.ca/eurus/index.htm](http://www.carleton.ca/eurus/index.htm)) и др. В то же время необходимо учитывать слабую сохранность данного вида источников, отсутствие инструментов их архивирования.

В целом, настоящее исследование охватывает основную массу научных работ, написанных англо- и германоязычными исследователями сибирской истории и опубликованных в конце XIX – XX в. Несмотря на недостаточную разработку в исторической литературе понятия «историографический источник», есть основание утверждать, что собранный и использованный историографический материал достаточно репрезентативен и позволяет всесторонне изучить развитие англо- и германоязычной историографии Сибири.

**Научная новизна диссертации** состоит в том, что это – первое комплексное исследование, посвященное развитию англо- и германоязычной историографии Сибири в XX в. Работа написана на основе широкого круга историографических источников, многие из которых впервые

---

le E. Das Land der Freiheit. Zur Geschichte der Russischen Freiheitsidee // Saeculum. 1954. Jg. 5. Ht. 4; *Hunszak T.*, ed. Russian Imperialism from Ivan the Great to the Revolution. New Brunswick, New Jersey, 1974; *Rywkin M.*, ed. Russian Colonial Expansion to 1917. London, New York, 1988; *Krausse A.* The Far East. Its History and Its Question. London, 1899; *Zepelin von K.* Der Ferne Osten, seine Geschichte, seine Entwicklung in der Neuesten Zeit, seine Lage nach dem Russisch-Japanischen Kriege. Berlin, 1909.

<sup>24</sup> Der Grosse Brockhaus. Leipzig, 1928–1937; Der Kleine Brockhaus. Wiesbaden, 1962; The Encyclopedia Americana. New York, Chicago, 1943; The Encyclopedia Americana. New York, Chicago, 1962; The Encyclopedia Britannica. Chicago, 1946; The New Encyclopedia Britannica. Chicago, 1994.

стали предметом анализа в отечественной научной литературе. В ходе реконструкции историографического процесса были выявлены закономерности изучения сибирской истории англо- и германоязычными исследователями, показано значение объективных и субъективных факторов в деятельности исследователей, выявлены основные этапы развития западного сибиреведения, рассмотрены главные историографические направления и концепции, выработанные англо- и германоязычными авторами.

**Практическая значимость диссертационного исследования** состоит в возможности использования его материалов для дальнейшего изучения и сопоставления достижений западной и отечественной историографии Сибири, научной разработки проблем сибирской истории XVI–XIX вв., а также при подготовке лекционных курсов по историографии и истории России и Сибири. Кроме того, сопоставление историографического опыта разных стран способствует решению общих теоретико-методологических проблем исторической науки, выявлению закономерностей и оценке перспектив ее развития.

**Апробация исследования.** Основные положения диссертации были представлены в виде докладов на международных научных студенческих конференциях (Новосибирск, 1996, 1998, 1999), региональной молодежной научной конференции «История Сибири, 1583–2006. Проблемы и перспективы» (Новосибирск, 2006) и были опубликованы в 7 статьях. Материалы исследования также послужили основой для написания раздела в коллективной монографии «“Новые земли” и освоение Сибири в XVII–XIX вв.: очерки истории и историографии» (Новосибирск, 2006).

**Структура работы.** Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

#### **Основное содержание работы**

Во **введении** обоснована актуальность темы, дан обзор ее историографии, определены цель и задачи исследования, предмет и объект, хронологические и территориальные рамки, изложены методологические принципы, охарактеризована источниковая база.

В **первой главе** «Изучение истории Сибири англо- и германоязычными исследователями в XX веке» выявлена организационная основа развития англо- и германоязычной историографии Сибири, проанализированная источниковая база исследований, посвященных сибирской истории; определены основные направления в развитии западного сибиреведения.

**В первом параграфе** – «Организация исследовательской работы и специализированные центры изучения истории Сибири» установлены ведущие научные и образовательные центры, готовящие исследовательские кадры и координирующие работу историков-сибиреведов; определены основные этапы развития научных организаций, исследованы международные связи англо- и германоязычных исследователей сибирской истории.

Возникновение и деятельность научных центров изучения Сибири в англо- и германоязычных странах в XX в. были в значительной мере обусловлены влиянием внешних, политических факторов. Первый период в истории развития таких учреждений охватывает первую половину XX века – время возникновения крупных организационных структур в Великобритании (в 1915 г. – Школа славянских и восточно-европейских исследований в Королевском Колледже Лондонского университета) и Германии (в Берлине в 1902 г. был учрежден Семинар по истории Восточной Европы в Университете Фридриха-Вильгельма, в 1913 г. – Немецкое общество по изучению Восточной Европы). Интерес западных исследователей к российской истории в данный период был вызван активизацией политики России в Азии, прежде всего, на Дальнем Востоке и в Тихоокеанском регионе. После распада Российской империи Советскому государству удалось сохранить большую часть ее территорий, чему западные исследователи также пытались найти историческое объяснение.

Второй период охватывает 1940–1950-е гг., когда СССР, победивший во Второй мировой войне, приобрел статус сверхдержавы. Присоединение к СССР новых территорий, распространение его политического влияния в мире, а также начало «холодной войны» делали актуальной задачу изучения «колониального» прошлого России, на основе чего исследователи могли делать прогнозы относительно ее будущего. В то же время, улучшение отношений между СССР и западом в 1950-х гг. облегчало зарубежным историкам доступ в советские архивы.

Третий период пришелся на 1960–1970-е гг., когда, несмотря на появление новых исследований по сибирской истории, деятельность организационных структур пережила заметный спад, отчасти вызванный ухудшением отношений между СССР и Западом в 1960-х гг., а затем стабилизацией этих отношений в период «разрядки», что делало историческую проблематику «русской восточной экспансии» менее актуальной.

Четвертый период продлился с конца 1970-х гг. до начала 1990-х гг. В условиях обострения «холодной» войны в конце 1970-х – 1980-х гг. ак-

тивность западных исследователей сибирской истории вновь возросла, возникли новые научные центры (Семинар сибирских исследований университетов Великобритании, основанный А.Вудом; Центр исследований Севера Тихоокеанского региона при Орегонском историческом обществе), а после начала «перестройки» в СССР развивались связи между западными и советскими сибироведами – т.е. взаимодействие исследователей, изучавших историю Сибири, вышло на международный уровень.

Пятый период – 1990-е гг. – был отмечен определенным спадом в развитии западного сибиреведения, что во многом было вызвано исчезновением СССР с политической карты мира и утратой Россией контроля на территориями, традиционно входившими в сферу ее влияния. Усиление политической роли России в мире, начавшееся в XXI в., вновь сопровождалось ростом активности центров изучения сибирской истории.

Деятельность специализированных исследовательских центров имела большое значение, поскольку они способствовали накоплению научного опыта, координировали работу историков, способствовали сохранению историографических традиций даже в периоды спада интереса к сибирской проблематике. Существование таких центров и активизация их деятельности в начале XXI века позволяет надеяться на их дальнейшую плодотворную работу и появление новых исследований по истории Сибири.

Во **втором параграфе** – «Источниковая база исторических исследований» изучена история развития источниковой базы западного сибиреведения; определено соотношение первичных и вторичных источников, использованных западными исследователями; установлена степень доступности для них источников по истории Сибири.

В круг источников, доступных западным историкам, входят как материалы зарубежных архивных фондов (напр., Национального архива Соединенного Королевства, Лондон), так и опубликованные источники на русском, английском и немецком языках, хранящиеся в крупнейших библиотеках Европы и Северной Америки (напр., книжная коллекция Г.В.Юдина в Библиотеке Конгресса, Вашингтон; фонды Британской библиотеки, Лондон). Вместе с тем, следует отметить ограниченность архивных материалов, их недостаточность для основательной разработки многих проблем сибирской истории. Серьезным препятствием на пути расширения круга источников в работах зарубежных историков является слабое знание русского языка.

На протяжении всего XX в. западные историки Сибири вводили в научный оборот все большее число источников, справедливо усматривая

в этом внутренний механизм развития данного историографического направления. Ограниченность источниковой базы отчасти компенсировалась использованием опубликованных источников, переводом исторических документов на английский и немецкий языки, обращением к работам наиболее значительных представителей русской и советской историографии (П.А.Словцова, Н.Н.Оглоблина, С.В.Бахрушина, В.И.Шункова и др.). В свою очередь, исследования западных историков, в полной мере использовавших указанные выше виды источников, составили основную группу историографических источников, послуживших основой большинства вышедших на Западе работ по истории русской колонизации Сибири. Таковы труды Ф.Голдера, Р.Кернера, Р.Фишера, Дж.Ланцева, Дж.Гибсона, Т.Армстронга и др.

В **третьем параграфе** – «Основные тенденции развития англо- и германоязычной историографии Сибири» выявлены основные теоретические и методологические подходы к изучению истории «русской восточной экспансии», предложенные западными исследователями, определено значение этих подходов для развития англо- и германоязычной историографии Сибири; установлена основная проблематика исследований, а также проанализированы внешние и внутренние факторы, влиявшие на ее изменение.

Изучение англо- и германоязычной историографии Сибири позволяет выделить три основных этапа в развитии западного сибиреведения в XX в. Первый этап охватывает временной отрезок с начала XX в. до 1930-х гг., когда произошел переход от описательной литературы к профессиональным историческим исследованиям, предметом которых стала сибирская проблематика, а также возникли специализированные научные центры, включившие в число своих главных задач изучение истории России. Ведущей фигурой в западном сибиреведении на данном этапе стал американский историк Ф.Голдер, в деятельности которого переплетались противоположные тенденции. С одной стороны, Ф.Голдер первым в западной историографии осветил многие вопросы истории Сибири, собрал и обработал обширный архивный материал. С другой – подход Ф.Голдера к анализу источников был избирательным, что отмечалось даже западными историографами. В итоге, выводы, сделанные им, вполне соответствовали господствовавшим в западном общественном мнении представлениям об имперских, колонизаторских устремлениях России в Азии и Тихоокеанском регионе.

Содержанием следующего этапа, охватывавшего 1930–1970-е гг., стала деятельность представителей Калифорнийской школы – историков, работавших в Калифорнийском университете, а также их последо-



вателей (Р.Кернера, Дж.Ланцева, Р.Фишера, Р.Пирса, Э.Доннели, Дж.Гибсона и др.). Влияние их испытали многие историки, изучавшие отдельные проблемы и аспекты сибирской колонизации (М.Раев, Д.Тредгольд, Т.Армстронг, С.Томпкинс, Ю.Семенов).

Третий этап в развитии западного сибиреведения начался в 1980-х гг. Основанием для его выделения служат не столько внутренние, содержательные критерии, сколько внешние, количественные – появление новых специализированных организационных структур, нацеленных на изучение сибирской истории, развитие международных связей историков, расширение проблематики исследований.

Итогом двух первых этапов развития западного сибиреведения стало оформление основных историографических направлений, двух подходов к изучению «русской восточной экспансии», которые были связаны с именами Ф.Голдера и Р.Кернера и сохраняли свое влияние в течение всего XX в. Вслед за Ф.Голдером ряд западных сибиреведов писали преимущественно о негативных сторонах процесса освоения русскими Северной Азии, о преобладании насильственных методов колонизации, хищнической эксплуатации природных ресурсов. Влияние концепции Ф.Голдера прослеживалось в западном сибиреведении на протяжении многих десятилетий, о чем свидетельствовали работы Дж.Ленсена, Дж.Стефана, А.Сокола, В.Конноли, Э.Хельцле, У.Вучинича, Э.Саркисьянца, М.Рывкина и др.

Главное различие подходов Ф.Голдера и Р.Кернера к изучению сибирской истории заключалось в той роли, которую исследователи отводили политическому фактору – роли правительства в процессе колонизации, содержанию правительственной политики, ее основных целей. Последователи Р.Кернера стремились преодолеть влияние идеологии, пересмотреть устаревшие концепции. Для этого было необходимо обобщить достижения историографии, расширить круг источников, создать специализированные научные центры, привлечь дополнительные исследовательские кадры, выработать новые теоретические подходы к изучению темы. Олицетворением данной тенденции стала деятельность представителей Калифорнийской школы (Р.Кернер, Р.Фишер, Дж.Ланцев, Р.Пирс, Э.Доннели, Дж.Харрисон, Дж.Гибсон) и их последователей (в определенной мере – Ю.Семенов, М.Раев, Ю.Слезкин, М.Бассин, А.Вуд, Б.Дмитришин и др.). Нередко в деятельности историков сказывалось влияние различных историографических направлений – в этом отношении наиболее ярким примером служит эволюция взглядов Дж.Ланцева, Дж.Гибсона, Г.Хуттенбаха

Противоречия в развитии англо- и германоязычной историографии Сибири преодолевались, прежде всего, на основе более внимательного изучения источников, что позволяло вывести работу на качественно новый уровень. В целом, в круг вопросов, наиболее активно изучавшихся в последние десятилетия XX в. в западной историографии, входили темы взаимоотношений пришлого и коренного населения Сибири, история научного освоения Северной Азии и Северотихоокеанского региона, а также проблемы колонизации Дальнего Востока и Русской Америки. Круг доступных источников – в первую очередь, опубликованных – обусловил выбор западными историками специальных тем в качестве предмета исследований и, в большинстве случаев, позволял на основе полученных выводов делать широкие теоретические обобщения.

Во **второй главе** – «Основные концепции сибирской колонизации в англо- и германоязычной историографии» анализируются работы западных сибиреведов; выявляются взгляды историков на основные проблемы истории колонизации Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки; объясняется закономерность возникновения и смены концепций, предложенных западными авторами; дается общая оценка результатов развития западного сибиреведения.

В первом параграфе – «Проблема присоединения Сибири к России в конце XVI – XVII в.» рассматриваются концепции начального этапа проникновения русских в Северную Азию, выработанные западными историками. Для англо- и германоязычной историографии характерно представление о том, что присоединение Сибири было обусловлено совокупностью военно-политических и экономических причин. В разное время об этом писали В.Коукс, Дж.Ланцев, Р.Пирс, Г.Хуттенбах, Дж.Форсис, Ю.Слезкин, Б.Линольн, А.Каппелер.

О ведущей роли военного фактора, стремлении Российского государства обезопасить свои восточные рубежи и укрепиться в Северной Азии, писали А.Краузе, Дж.Керзон, Т.Аткинсон, позже – Дж.Ланцев. Значение социально-психологических причин, «психологии превосходства» и «духа авантюризма», присущего покорителям Сибири, отмечали Ф.Голдер, Дж.Ланцев, Дж.Джордж. Важнейшими предпосылками процесса истории называли военное усиление Москвы (А.Краузе, Р.Кернер, Ю.Слезкин, У.Б.Линкольн, А.Каппелер), военные успехи Ермака и правительственных войск (В.Яхонтов, Ю.Семенов, Дж.Ланцев).

Однако большинство зарубежных исследователей отмечали ведущую роль экономических (торговых) причин присоединения Сибири, главной из которых стала «погоня за пушниной» (Г.Бэнкрофт, Ф.Голдер, Р.Кернер, В.Яхонтов, Р.Фишер, Ю.Семенов, С.Томпкинс, Т.Армстронг,

Д.Тредгольд, Дж.Харрисон, Дж.Гибсон, Д.Коллинз). На большое значение торговой и хозяйственной деятельности купцов Строгановых указывали А.Краузе, Р.Кернер, Дж.Ланцев, Ю.Семенов. По мере накопления исторических знаний о Сибири ряд зарубежных историков (Дж.Ланцев, Д.Тредгольд, Дж.Гибсон) указали на необходимость выявления социально-политических причин проникновения в Сибирь русских крестьян и промышленников, уходивших от социальных потрясений Смуты, усиления крепостного гнета, произвола царских чиновников.

По вопросу об инициаторах присоединения Сибири зарубежные исследователи с самого начала отмечали ведущую роль государства и Строгановых (А.Краузе, Р.Пирс, Дж.Харрисон, М.Бассин, П.Пэрдью, Дж.Леданн). В последнее время в работах зарубежных исследователей-сибиреведов все чаще встречается «компромиссная» концепция о равном участии государства, Строгановых и казаков.

Большинство зарубежных историков, разделявших историческую ответственность за присоединение Сибири между государством и купцами Строгановыми, придерживались концепции о сочетании военных акций и мирных методов освоения в ходе проникновения русских за Урал – т.е. мнения, высказанного в 1930-х гг. Р.Кернером. В этой группе исследователей – Р.Кернер, Р.Фишер, Дж.Лацев, Е.Саркисьянц, Г.Хуттенбах, Дж.Харрисон, Дж.Мирски, Дж.Гибсон, П.Пэрдью, Дж.Стюарт, Т.Армстронг, Ю.Семенов, А.Каппелер. Значительно меньшее число историков придерживались вывода о военном характере процесса присоединения Сибири, хотя концепция завоевания существовала на всех этапах развития зарубежного сибиреведения (ранее – под влиянием Г.Ф.Миллера, в XX в. – под влиянием Ф.Голдера, в работах О.Руденко, Дж.Мартин, У.Б.Линкольна и др.).

Однако, по мнению большинства исследователей, преимущественно мирный характер колонизации не означал, что ее последствия не нанесли вред коренному населению, которое подвергалось торговой эксплуатации, административному произволу, насильственной христианизации. Кроме того, в результате хозяйственной деятельности пришлого населения разрушалась традиционная среда обитания сибирских аборигенов. На это указывали Ф.Голдер, К.Греппер, Дж.Форсис, Ю.Слезкин, Д.Коллинз, В.Конноли, В.Коларц. Сравнительно небольшое число исследователей писали о преимущественно мирном и взаимовыгодном сосуществовании коренного и пришлого населения Сибири (Дж.Ланцев, Р.Фишер, Т.Армстронг, С. и Э.Данн, Дж.Гибсон).

В целом, исследователи старались избегать односторонних оценок и рассматривали процесс присоединения Сибири как сложный, многофак-

торный процесс. Представители англо- и германоязычной историографии Сибири все больше приходят к пониманию того, что действительное значение различных причин и предпосылок присоединения Сибири, роль каждого из основных участников процесса, соотношение военных акций и мирных методов можно выявить лишь на основе постоянного расширения круга документальных и историографических источников, совершенствования методологического аппарата.

Во **втором параграфе** – «Проблемы хозяйственного освоения и управления Сибирью в XVII–XIX вв.» анализируются концепции западных историков, исследовавших эволюцию правительственной политики в отношении Сибири, историю местного управления, хозяйственного и научного освоения, деятельность русской православной церкви в регионе. Изучая различные аспекты сибирской колонизации, западные исследователи использовали различные методологические и концептуальные подходы. Так, Р.Кернер основывался на традициях французской географической школы и концепции колонизации, предложенной С.М.Соловьевым и В.О.Ключевским. В рамках подхода, объясняющего формирование правительственной политики влиянием идеологии и общественного мнения, писали М.Раев, М.Бассин, Ю.Слезкин. О.Кобцев и Д.Коллинз анализировали историю православной церкви в Сибири через призму философских учений эпохи Просвещения и Романтизма. К.Уайт рассматривала историю хозяйственного освоения Сибири в рамках своеобразного социологического подхода.

Впервые комплексный подход к изучению истории управления и освоения Сибири продемонстрировал Ф.Голдер. Вопросам административной истории Сибири посвящены работы Дж.Ланцева, Ю.Семенова, Р.Пирса, М.Раева, А.Вуда, Б.Дмитришина и др. Особое внимание уделялось истории управления сибирскими аборигенами, эволюции правительственной политики в этой сфере (М.Раев, Ю.Слезкин, М.Бассин, В.Конноли и др.). В меньшей степени исследователей интересовала эволюция правительственной политики в отношении Сибири в целом (Дж.Ланцев, Р.Пирс, М.Раев).

В спорах историков камнем преткновения стал вопрос о роли правительства в освоении Сибири, о последовательности правительственной политики в отношении восточных колоний. В ходе дискуссии пытались определить сущность территориальной экспансии России, объяснить причины устойчивости ее позиций в Сибири и на Дальнем Востоке. Ф.Голдер, будучи сторонником концепции о военном характере сибирской колонизации, отмечал хаотичность действий «русских колонизаторов», отсутствие четкого правительственного плана, хищническую экс-

плуатацию природных ресурсов и коренного населения Сибири, что неизбежно должно было подорвать основы русского присутствия в Северной Азии. Однако позиции России в регионе представлялись достаточно прочными, и требовалось более глубокое объяснение причин сибирской колонизации.

Попытку преодоления противоречий в оценках деятельности сибирской администрации предприняли Р.Кернер и Дж.Ланцев, противопоставившие политику центральных и местных властей и относившие все негативные аспекты колонизации на счет последних. Несмотря на то, что историки не предложили достаточных доказательств, их позицию разделяли многие исследователи (М.Раев, Ю.Семенов, Т.Армстронг). Ученик Р.Кернера Р.Фишер писал о последовательности и продуманности правительственной политики в Сибири, о решающей роли центральных органов управления, а объяснение успешности процесса ставил в прямую зависимость от изучения всех аспектов хозяйственного освоения региона. В дальнейшем число сторонников данного взгляда на роль правительства неуклонно росло (например, Дж.Гибсон, А.Вуд, Б.Дмитришин и др.)

Вопросам хозяйственного освоения Сибири (развитию торговли, сельского хозяйства, проблемам создания продовольственной базы колоний) были посвящены работы Р.Кернера, Р.Фишера, К.Уайт, Дж.Гибсона и др. В целом, история хозяйственного освоения Сибири слабо изучена из-за ряда субъективных и объективных причин. С одной стороны, традиционный для западной историографии тезис о добыче и торговле пушниной как главном двигателе сибирской колонизации не подвергался сомнению большинством зарубежных историков, а, следовательно, не было оснований для более глубокого изучения других аспектов хозяйственного освоения Сибири. С другой стороны, круг исследовательских интересов был обусловлен характером доступных источников, ограниченностью источниковой базы.

В работах по истории научного освоения Сибири в XVII–XVIII вв. затрагивались проблемы, имеющие большое значение для историографических исследований. Современные историки пришли к выводу, что распространение научных сведений о Сибири в эпоху Просвещения зависело от множества внешних факторов, не связанных непосредственно с деятельностью ученых. В числе этих факторов – наличие или отсутствие общественного интереса к проблемам Сибири, эволюция правительственной политики в сфере науки или идеологии, доступность накопленных научных знаний, первичных и вторичных источников и пр.

С течением времени западными историками все более остро ощущалась потребность в издании обобщающего исследования, охватывающего различные аспекты сибирской колонизации, способного выявить место этих процессов в истории Русского государства и дать объективную оценку достижений историографии. Задача по-прежнему остается актуальной, и от успешности ее решения в значительной степени зависит будущее западного сибиреведения.

**В третьем параграфе** – «Освоение русскими Тихоокеанского региона и Северной Америки» рассматриваются концепции западных историков, изучавших историю русской колонизации Дальнего Востока и Тихоокеанского региона. Общим для подавляющего большинства исследователей было представление о взаимообусловленности процессов колонизации Дальнего Востока и Северной Америки, сходстве методов этой колонизации.

Впрочем, в разные периоды развития исторического сибиреведения западные исследователи отмечали различные факторы, игравшие ведущую роль в процессе колонизации того или иного региона. Так, в конце XIX – начале XX в., характеризуя освоение Дальнего Востока, большинство исследователей (Э.Равенштейн, А.Краузе, К.фон Цеппелин), обеспокоенные усилением позиций России в дальневосточном регионе, говорили о преобладании в ее политике целей имперской экспансии.

Во второй половине XX в. под влиянием американских историков Ф.Голдера и Р.Кернера в западной историографии получило распространение представление о преимущественно торговых интересах России на Дальнем Востоке (в работах Дж.Ленсена, Т.Армстронга, Г.Сэлисбери, М.Бассина). Вслед за Р.Кернером историки также отмечали особую роль Приамурья как района для развития сельского хозяйства. Однако преобладающей стала концепция о сочетании торговых и политических интересов России в регионе. Об этом говорится в работах представителей Калифорнийской школы (Р.Пирса, Дж.Гибсона, Дж.Харрисона), А.Каппелера, Г.Баррэта и др.

Причины выхода России в Тихий океан устанавливались исследователями на основе изучения истории Камчатских экспедиций В.Беринга. Большинство историков присоединились к мнению Г.Бэнкрофта и Ф.Голдера о решении в ходе экспедиций научных задач, связанных с поиском пролива между Азией и Америкой и составлением географических карт Северотихоокеанского региона. Под влиянием Р.Кернера историки Калифорнийской школы (Дж.Ланцев, Р.Пирс, Дж.Ленсен) писали о поставленной перед В.Берингом задачи поиска новых территорий

для расширения торговых связей России с соседними странами и владениями колониальных держав.

Р.Фишер опроверг мнение Р.Кернера о задаче возвращения Приамурья, поставленной перед В.Берингом Петром I, но считал, что главной целью экспедиций было расширения политического влияния России в регионе. Данной точки зрения придерживались А.Сокол, Ю.Семенов, О.Руденко. О сочетании политических и торговых целей России в «тихоокеанском регионе» писали Дж.Гибсон, Г.Баррэт.

В зависимости от понимания общего процесса «русской восточной экспансии» историки рассматривали проблемы, связанные с историей Русской Америки. Большинство исследователей полагали, что главными причинами проникновения сюда русских, а впоследствии – отказа от американских владений, стали поиск источников пушнины и продовольствия (Р.Кернер, Э.Эсиг, А.Огден, Дж.Гибсон, С.Томпкинс, Ю.Семенов). С возвращением Приамурья содержание американских колоний стало обременительным и экономически не оправданным. Большинство исследователей отмечали негативные последствия русской колонизации для коренного населения Северной Америки, сопротивление которого также способствовало утрате Россией своих колоний.

На большое значение в истории Русской Америки фактора международных отношений, конкуренции между колониальными державами указывали Ф.Голдер, Дж.Гибсон, К.Дж.Дюфур, Г.Баррэт. Многие западные исследователи (Ю.Семенов, Дж.Харрисон, Б.Дмитришин, Т.Вогэн, Г.Баррэт и др.) усвоили вывод советского историка С.Окуня о том, что Российско-Американская Компания была создана русским правительством также для решения политических задач имперской экспансии.

В то же время, в англо- и германоязычной историографии не существовало некоей единой, доминирующей концепции освоения русскими Дальнего Востока, Тихоокеанского региона и Северной Америки. В определенной степени, разнообразие подходов историков объясняется отсутствием работ обобщающего характера, в которых бы рассматривался весь комплекс указанных проблем и анализировался накопленный историографический опыт.

**В заключении** подводятся итоги работы, сделаны основные выводы.

Изучение англо- и германоязычной историографии Сибири позволяет выделить XX в. как важный и самостоятельный период, отмеченный качественными изменениями в развитии западного сибиреведения. Одной из предпосылок данного процесса стало формирование значительного массива историографических источников (преимущественно, нарративных) по истории Сибири, написанных европейскими авторами в течение

предшествовавших столетий. Однако к началу XX в. самостоятельное развитие западного сибиреведения происходило без заметного взаимодействия с российской исторической наукой, к этому времени добившейся заметных успехов в изучении истории сибирской колонизации.

Выход на новый уровень научных исследований, посвященных сибирской проблематике, был невозможен без расширения источниковой базы, освоения достижений русского сибиреведения – задач, поставленных в начале XX в. самой логикой развития исторической науки. Обращение к историографическому опыту других стран создавало новую познавательную ситуацию «диалога» историографий. Институциональным выражением данного процесса стало создание специализированных организационных структур, занимавшихся изучением истории России и обеспечивавших развитие международных связей исследователей. Наибольшую активность на этом направлении проявляли англо- и германоязычные историки, а наиболее заметной фигурой на первом этапе развития западного сибиреведения в XX в. стал Ф.Голдер, осуществлявший сбор и анализ источников по истории Сибири, хранившихся в российских архивах.

Анализ деятельности западных сибиреведов в XX в. показывает, что развитие изучаемого историографического направления во многом определялось изменениями политической ситуации, идеологии и общественного мнения, что сказывалось как на работе отдельных историков, так и на эволюции исторической науки целых стран. В частности, сбор источников, начатый Ф.Голдером, был прерван с началом Первой мировой войны, а затем революцией в России. В советский период взаимодействие между отечественной и западной исторической наукой в целом было крайне затруднено, а в отдельные периоды – практически невозможно. В этих условиях западные исследователи рисковали остаться в рамках традиционных подходов к изучению сибирской истории, выработанных еще на рубеже XIX–XX вв., что делало почти неизбежным замедление историографического процесса, а также превращение сибирского исторического материала в новый «непознанный объект».

Выход из сложившейся ситуации заключался в передаче историографического опыта новому поколению исследователей, путем развития специализированных организационных структур, дальнейшего расширения источниковой базы, выработки новых теоретико-методологических подходов. Решение этих задач в середине XX в. предпринял Р.Кернер и другие представители Калифорнийской школы.

Активизации данного процесса способствовало улучшение отношений между СССР и Западом в 1950-х гг., когда зарубежные историки



получили доступ к советским архивам, возможность стажироваться в научных и образовательных центрах, обмениваться опытом с отечественными исследователями. Внешним выражением процесса стало большое разнообразие подходов и концепций сибирской истории, предложенных англо- и германоязычными авторами во второй половине XX в., что сделало актуальной задачу написания обобщающего труда, дающего целостную картину истории русской колонизации Северной Азии и Тихоокеанского региона.

Соответственно, необходимость написания комплексных исследований по истории Сибири требует обобщения опыта, накопленного англо- и германоязычной историографией. Таким образом, к концу XX в. в западном сибиреведении возникла качественно новая историографическая ситуация, когда предшествующие периоды его развития сами стали предметом новых историографических исследований.

С полным основанием можно утверждать, что пути решения этой задачи в достаточной мере были обозначены всем ходом развития западного сибиреведения в XX в. Поступательное развитие данного историографического направления, прошедшего в XX в. несколько крупных этапов, очевидные концептуальные достижения западных исследователей, новый подъем в деятельности зарубежных центров изучения сибирской истории в начале XXI в. позволяет надеяться на дальнейшее плодотворное развитие англо- и германоязычной историографии Сибири.

**Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:**

*Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:*

1. Ананьев Д.А. Изучение сибирской истории в научных учреждениях и специализированных центрах США, Великобритании, Канады и ФРГ // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. Т. 5. Вып. 1 (дополнительный): История. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2006. С. 9–15. (0,5 п.л.)

2. Ананьев Д. А. Правительственная политика в отношении коренного населения Сибири и Дальнего Востока в конце XVI – первой половине XIX века в оценках англо- и германоязычной историографии // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. Т. 5. Вып. 3: Археология и этнография (приложение 1). Новосибирск: РИЦ НГУ, 2006. С. 43–51. (0,7 п.л.)

*Статьи и монографии:*

3. Ананьев Д.А. Оценка сибирской реформы 1822 г. американским историком М.Раевым // Материалы XXXIV Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск: РИЦ НГУ, 1996. С. 66–68. (0,1 п.л.)

4. Ананьев Д.А. Зарубежные энциклопедии XX в.: взгляд на присоединение Сибири // Материалы XXXVI МНСК «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск: РИЦ НГУ, 1998. С. 70–72. (0,1 п.л.)
5. Ананьев Д.А. Современное западное сибиреведение: основные научные центры // Материалы XXXVII МНСК «Студент и научно-технический прогресс». Новосибирск: РИЦ НГУ, 1999. С. 7–9. (0,15 п.л.)
6. Ананьев Д.А. Система воеводского управления в освещении историков-сибиреведов // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг.; Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002. С. 3–18. (1 п.л.)
7. Ананьев Д.А. Основные тенденции развития англо- и германоязычной историографии Сибири во второй половине XIX – XX веке // История Сибири, 1583–2006. Проблемы и перспективы: Сб. мат. регион. молодеж. науч. конф. Новосибирск, ИД «Сова», 2006. С. 19–28. (0,5 п.л.)
8. Ананьев Д.А. «Новые земли» и освоение Сибири в XVII–XIX вв.: очерки истории и историографии. Новосибирск, ИД «Сова», 2006. 227 с. (В соавторстве с: Е.В. Комлевой, Д.В. Раевым, Д.Я. Резуном, И.Р. Соколовским, Е.Н. Туманик; авторский вклад: 5 п.л., с. 20–123).